

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

**КНИГИ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ «АЗБУКА-АТТИКУС»**

Туннель в небе. Есть скафандр — готов путешествовать

•
Фрайди. Бездна

•
Астронавт Джонс. Время для звезд

•
Чужак в стране чужой

•
Луна — суровая госпожа

•
Красная планета. Звездный зверь

•
Кукловоды. Дверь в Лето

•
Марсианка Подкейн. Гражданин Галактики

•
Иов, или Комедия справедливости

•
Небесный фермер. Среди планет.

Космическое семейство Стоун

•
Достаточно времени для любви, или Жизнь Лазаруса Лонга

•
«Магия, инкорпорейтед». Дорога Доблести

•
Кот, который ходил сквозь стены

•
Двойная звезда. Звездный десант

•
Зеленые холмы Земли. История будущего. Книга 1

•
Не убоюсь зла

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Не убоюсь зла

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445
X 15

Robert A. Heinlein
I WILL FEAR NO EVIL
Copyright © 1970 by Robert A. Heinlein
All rights reserved

Перевод с английского Юрия Павлова
под редакцией Екатерины Доброхотовой-Майковой

Серийное оформление и оформление обложки
Сергея Шикина

Иллюстрация на обложке Сергея Григорьева

Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold)
за помощь при подготовке книги.

© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2019
© С. В. Голд, предисловие, послесловие, 2019
© Е. М. Доброхотова-Майкова, примечания, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-16257-0

ЭПОХА ДЖАЗА

Третья мировая война встряхнула американское общество. Внезапно наступивший мир многие восприняли как второй шанс и постарались использовать его, чтобы изменить свою жизнь к лучшему. И некоторым это удалось — социальные лифты заработали, но длилось это недолго. Власть, вкусившая прелести чрезвычайных (и чрезвычайно эффективных) методов управления военного времени, не спешила с ними расставаться. Демократия эволюционировала, но, как оказалось, в своей высшей и последней форме она мало чем отличается от диктатуры. Власть концентрировалась и специализировалась, она больше не лезла во все сферы жизни, ограничившись управлением в ключевых точках промышленности, финансов и соцобеспечения. Все остальное было отпущено в свободное плавание. Последние десятилетия своего существования Америка наслаждалась свободой. Были легализованы наркотики, отменено обязательное образование, а соблюдение законов контролировалось лишь в зонах анклавов, где проживали специалисты, обеспечивающие поддержание статус-кво. Население свободных зон было предоставлено самому себе — миллионы праздных потребителей соцпакетов участвовали в жизни страны лишь раз в четыре года, приходя на избирательные участки (если, конечно, не находили себе занятия поинтересней). Большинство из них не умело ни читать, ни писать. Единицы, пройдя жесткий отбор тестов, могли претендовать на какое-то образование. Остальные ограничивались «практическими курсами», где учили только считать и пользоваться общественными терминалами, а затем свободно выбирали между пожизненным пособием и какой-нибудь неквалифицированной работой.

Несмотря на строгое нормирование продуктов (мясо исчезло из обычного рациона и превратилось в предмет неле-

гальной торговли), никто не умирал от голода, напротив, начало нулевых годов XXI века осталось в памяти временем изобилия и успехов. Казалось, новые технологии вот-вот подарят всем счастье, покой и процветание. Медицина победила большинство болезней и билась над продлением жизни. Первая лунная колония готова была принять избыток населения, на Марсе был запущен процесс терраформирования, который должен был снизить демографическое давление в перспективе на сотни лет вперед, а проект на Ганиমেде обещал закрыть продовольственный вопрос навсегда. Америка с головой окунулась во вторую Эпоху Джаза — время всеобщего, немного нервного веселья, словно пыталась воплотить в жизнь лозунг полувековой давности — «секс, наркотики, рок-н-ролл» (альтернативные варианты прилагаются).

В ретроспективе легко разглядеть причины последовавшей за Эпохой Джаза катастрофы. Понятно, что куда проще вырвать из одних рук и передать в другие централизованную власть, чем подмять под себя децентрализованную систему. Понятно, что электорат, не умеющий читать и писать, легко поддается влиянию не только официальной пропаганды, но и вообще любой пропаганде, особенно религиозной. И наконец, все знают, что Древо Свободы требуется время от времени поливать кровью героев, и если в критический момент окажется, что герои отправились осваивать Марс или устраивать жизнь на Луне, то «у меня для вас плохие новости, ребята». Но до выборов 2012 года и даже несколько лет спустя такие мысли мало кому приходили в голову — люди наслаждались свободой и вкушали те радости, которые были им доступны. Они жили одним днем, не осознавая перспективы и не задумываясь о ней. Словно старик, переживший все отмеренные ему сроки, радуется последним теплым лучам солнца в приближении заката.

С. В. Голд

Не убоюсь зла

Рексу и Кэтлин

1

Комната была старомодная, в барочном стиле 1980-х годов, но роскошная и очень просторная — широкая, длинная, с высокими потолками. У окна с регулируемым пейзажем стояла автоматизированная больничная койка. Чтобы не портить интерьер, ее частично скрыли великолепной китайской ширмой. В сорока футах от койки расположился столь же чужеродный стол для заседаний. Во главе его стояло инвалидное кресло с системой жизнеобеспечения, от которого к койке тянулись трубки и провода.

У кресла, за мобильным стенографическим столиком, оборудованным микрофонами, пишмашинкой-диктофоном, часами-календарем, пультом управления и прочими принадлежностями, сидела очень красивая девушка.

Она держалась как образцовая незаметная секретарша, но одета была по последней экзотической моде, «половина на половину»: правое плечо, рука и грудь в черном трикотаже, левая нога в алом чулке. Завершали образ двуцветные трусики с оборкой и сандалии — черная на левой ноге, алая — на голой правой. Кожа была расписана теми же цветами — черным и алым.

С другой стороны от кресла стояла немолодая женщина в халате медсестры и белых чулках. Она внимательно следила за датчиками и пациентом в кресле, не обращая внимания на все остальное. За столом расположились чуть больше десяти человек, одетых словно зрители на скачках: стиль, принятый у пожилых управленцев высшего звена.

В инвалидном кресле сидел древний старик, которого, если бы не живые неугомонные глаза, можно было принять за плохо забальзамированный труп. На лице ни следа косметики — никакой попытки скрыть ужасающую дряхлость.

— Упырь, — тихо произнес старик, обращаясь к одному из мужчин за столом. — Парки, малыш, вы самый настоящий жадный упырь. Отец не учил вас, что невежливо хоронить человека, пока тот не откинул копыта? У вас вообще был отец? Юнис, сотри последнюю фразу. Итак, господа, мистер Паркинсон предлагает мне добровольно уйти с поста председателя совета директоров. Кто еще за? — Старик сделал паузу. — Ну как же так? Парки, кто из ваших дружков поджимает хвост? Вы, Джордж?

— Я здесь ни при чем.

— Но были бы рады проголосовать за. Без поддержки вопрос не будет поставлен на рассмотрение.

— Я отзываю свое предложение.

— Поздно, Паркинсон. Вопрос можно исключить из повестки дня только по общему согласию, высказанному явно либо подразумеваемомуся. А если есть хоть одно возражение — и я, Иоганн Себастьян Бах Смит, возражаю, — то ничего не поделаешь. Я придумал это правило, когда вы еще пешком под стол ходили. Однако, господа, — Смит оглядел собравшихся, — у меня есть для вас новости. Как вы наверняка знаете из доклада мистера Тила, все наши подразделения работают успешно, а «Морские фермы» и «Общеобразовательные учебники» — более чем успешно. Поэтому мне самое время уйти на покой.

Смит подождал немного, затем продолжил:

— Можете закрыть рты. А вы, Парки, подберите слюни, я еще не договорил. Я остаюсь председателем совета директоров, но покидаю пост президента компании. Начальник юридического управления мистер Джейк Саломон становится вице-председателем.

— Иоганн, полегче. Я не собираюсь управлять этим цирком.

— Джейк, а кто говорит про управление? Всего-то надо будет председательствовать в мое отсутствие. Я слишком много прошу?

— Гм. Пожалуй, не слишком.

— Вот и славно. Так вот, я слагаю с себя полномочия президента «Смит энтерпрайзес». Президентом и генеральным директором назначается мистер Байрем Тил — он заслужил этот пост, а с ним и все биржевые опционы, налого-

вые лазейки и прочие привилегии своей многолетней добросовестной работой.

— Послушайте, Смит! — взорвался Паркинсон.

— Тихо, молокосос. Я вам не «послушай», а «мистер Смит» или «господин председатель». А теперь говорите.

Паркинсон взял себя в руки и произнес:

— Хорошо, *мистер* Смит. Я протестую. Во-первых, одним махом повысить своего помощника до президента — само по себе вопиющее нарушение, а во-вторых, у меня второй по величине пакет голосующих акций и при любых изменениях в руководстве моя кандидатура должна рассматриваться в первую очередь!

— Парки, я рассмотрел вашу кандидатуру.

— Да?

— Ага. Подумал об этом... и прыснул со смеху.

— Ах вы...

— Не произносите этого слова, я могу подать в суд за оскорбление. Не забывайте, что мой пакет — контрольный. А что касается вашего — согласно политике компании любой владелец пяти или более процентов голосующих акций автоматически входит в совет директоров, даже если он моральный урод и все его на дух не выносят. Что верно для нас обоих. Точнее, для вас *было* верно. Байрем, что там у нас с доверенностями и покупкой акций?

— Представить вам полный отчет, мистер Смит?

— Нет, просто объясните мистеру Паркинсону его текущее положение.

— Хорошо, сэр. Мистер Паркинсон, в настоящий момент у вас меньше пяти процентов голосующих акций.

— А это значит, что ты больше не в совете директоров, упыренок, — вкрадчиво добавил Смит. — Джейк, созовите внеочередное собрание акционеров. Со всеми формальностями, извещениями и прочим. Подарим Парки золотые часы, вышвырнем его вон... и выберем ему замену. Есть еще вопросы? Вопросов нет. Заседание окончено. Джейк, оставайтесь. Юнис, ты тоже. И вы, Байрем, если вам есть что еще обсудить.

Паркинсон вскочил:

— Смит, вы у меня еще попляшете!

— Не сомневаюсь, — умилился старик. — Кланяйтесь от меня теще и скажите, что Байрем по-прежнему будет повышать ее благосостояние, несмотря на то что я вас вышвырнул.

Паркинсон вышел не прощаясь. Остальные потянулись за ним.

— Джейк, как человек смог дожить до пятидесяти лет, не обзаведясь здравым смыслом? — задумчиво сказал Смит. — Ладно хоть богатой тещей обзавелся. Ганс, вы хотели мне что-то сказать?

— Иоганн, — произнес Ганс фон Риттер, опираясь на стол и глядя председателю в глаза, — мне не понравилось, как вы обошлись с Паркинсоном.

— Благодарю за честность. В наши дни ее не часто встретишь.

— Убрать его из совета — верное решение, он нам постоянно палки в колеса вставлял. Но унижать его не стоило.

— Вы правы, Ганс. Но я не мог отказать себе в маленьком удовольствии. Мне сейчас особо не повеселиться.

В зал вкатился робот-лакей «Симплекс», составил освободившиеся стулья на стойку и выкатился обратно. Фон Риттер продолжил:

— Не хочу, чтобы со мной обошлись так же. Если вам в совете нужны лишь подпевалы, спешу заметить, что у меня тоже менее пяти процентов голосующих акций. Мне подать заявление об отставке?

— Боже правый, ни в коем случае! Ганс, вы мне нужны, а Байрему нужны еще больше! Мне ни к чему дрессированные тюлени; у человека должно быть достаточно смелости, чтобы возразить мне, иначе он просто место будет занимать. Но если он выступает против меня, пусть делает это *разумно*. Как вы. Вам неоднократно удавалось меня переубедить, что при моем упрямстве ой как непросто. А теперь вот что — присядьте. Юнис, подгони доктору фон Риттеру стульчик.

Стул подкатился к фон Риттеру, но тот отмахнулся, и стул уехал обратно.

— Хватит меня умамливать. Что вам нужно? — Фон Риттер убрал руки со стола, тот сложил ножки, повернулся боком и втянулся через щель в стену.

— Ганс, я окружил себя ненавистниками. Среди них нет ни одного подхалима, ни одного дрессированного тюленя. Даже Байрем — особенно он — получил свой пост за то, что обычно возражал мне по делу. Но он не всегда прав, и поэтому в совете нужны люди вроде вас. Паркинсон — другое дело. Я обязан был публично его отчитать, потому что он публично потребовал моей отставки. Но вы правы, Ганс, я повел себя как ребенок. Еще двадцать — да что там, десять лет назад я ни за что бы не унижил человека. Когда человек не думает головой, а действует рефлекторно, как большинство, унижение заставит его мстить. Я это прекрасно понимаю. Но я уже стар, ум у меня не тот.

Фон Риттер промолчал. Смит продолжил:

— Прошу, останьтесь... И помогите Байрему во всем разобраться.

— Ох... останусь. Если обещаете больше не срыватьсь. — Фон Риттер развернулся к выходу.

— Договорились. Ганс, а на моих поминках спляшете?

Фон Риттер с усмешкой оглянулся:

— С радостью!

— Вот и славно. Спасибо, Ганс. Пока!

Смит обратился к Байрему Тилу:

— А что у тебя, сынок?

— Завтра из Вашингтона приедет помощник генерального прокурора — говорить с вами о покупке контрольного пакета «Хоумкрафтс лимитед» нашими «Механическими станками». Думаю...

— Не со мной, а с *тобой*. Ты сильно меня подведешь, если не справишься с каким-то помощником прокурора. Что еще?

— Мы потеряли человека на морской ферме номер пять. В пределах пятидесятифутовой зоны. Акула.

— Он был женат?

— Нет, сэр. Родителей тоже нет.

— Ладно, тогда обойдемся официальными соболезнованиями. У вас есть видеоклипы, где мой голос прочувствованно дублирует профессиональный актер. Вот их и пустите. Нельзя, чтобы народ думал, будто нам наплевать на гибель работников.

— Особенно когда нам действительно наплевать, — добавил Джейк Саломон.

Смит цыкнул на него:

— Джейк, ты что, видишь меня насквозь? Такова наша политика: щедрая компенсация в случае гибели плюс всякая сентиментальная мишура.

— Которая прокатывает на ура. Иоганн, не обязательно видеть насквозь, чтобы понимать — у тебя вместо сердца калькулятор. Да у тебя сердца и не было никогда.

Смит улыбнулся:

— Джейк, для тебя сделаем исключение. Когда померешь, не будет ни букетов, ни фотографии в черной рамке в корпоративной газете. Твоя смерть пройдет незамеченной.

— Иоганн, решать это будешь уже не ты. Я переживу тебя лет на двадцать, не меньше.

— Тоже хочешь станцевать на моих поминках?

— Я не танцую, — ответил юрист, — но тебе, я смотрю, хочется, чтобы я научился.

— Не волнуйся, это я тебя переживу. Хочешь пари? Скажем, миллион против твоего любимого налогового вычета? Впрочем, нет. Чтобы выжить, мне понадобится твоя помощь. Байрем, загляни ко мне завтра. Сестра, выйдите, мне нужно поговорить с юристом с глазу на глаз.

— Не могу, сэр. Доктор Гарсия требует, чтобы вы постоянно были под присмотром.

Смит задумался.

— Мисс Судно, я приобрел свой словарный запас до того, как Верховный суд запретил писать похабщину на заборах. Но я постараюсь изъясняться понятным вам языком. Я даю вам работу. Плачу вам зарплату. Это мой дом. Я приказал вам убираться, так пошевеливайтесь!

Медсестра молчала и упорно не двигалась с места.

Смит вздохнул:

— Джейк, совсем я старый стал. Забыл, что у них свои правила. Можешь разыскать доктора Гарсию — он где-то здесь, в доме, — и попросить оставить нас наедине, без излишне верного сторожевого пса?

Доктора Гарсию привели. Он снял показания приборов, осмотрел пациента и решил, что на некоторое время можно обойтись дистанционным наблюдением.

— Мисс Макинтош, перейдите к удаленному монитору.

— Конечно, доктор. Вы не подыщите мне замену? Я не хочу больше здесь работать.

— Сестра, что вы...

— Доктор, секундочку, — перебил Смит. — Мисс Макинтош, я прошу прощения, что назвал вас «мисс Судно». Маразм, сами понимаете. Я теперь как ребенок. Но если по-другому никак — хоть я и надеюсь на иной исход, — доктор, выдайте сестре премию в тысячу долларов и пришлите мне счет. Она ответственно выполняла свой профессиональный долг... несмотря на все мои вздорные и неуважительные поступки.

— Гм. Сестра, подождите меня снаружи.

Когда доктор с медсестрой вышли, Саломон сухо произнес:

— Иоганн, ты попадаешь в маразм, только когда тебе это выгодно.

Смит усмехнулся:

— У старости и болезней свои преимущества. Какие еще способы влияния у меня остались?

— Деньги.

— Ну конечно. Без денег я бы давно уже помер. Но в последнее время я действительно по-детски капризен. Меня злит, что я прикован к этому креслу, ведь я привык вести активный образ жизни. Однако куда проще списать все на старческий маразм... ведь и моему врачу, и Господу Богу известно, что мое тело угасает.

— Иоганн, я бы списал это на твой мерзкий характер, а не на маразм. Ты мыслишь вполне здраво, когда тебе это выгодно. Но со мной твои штучки не пройдут.

Смит снова усмехнулся:

— Ну что ты, Джейк. Я нуждаюсь в тебе даже больше, чем в Юнис, хотя она, безусловно, куда привлекательнее. Юнис, что скажешь? Плохо я себя веду в последнее время?

Секретарша пожала плечами, отчего некоторые другие части тела приятно заколыхались.

— Отвратительно, босс, но я привыкла не обращать на это внимания.

— Видишь, Джейк? Если бы Юнис, как ты, отказалась мириться с моим поведением, я бы стал добрейшим начальником на свете. А пока она меня терпит, я пользуюсь возможностью выпустить пар.

— Юнис, если вы устанете от этого вредного старого хрыча, переходите работать ко мне. Я буду платить вам столько же или даже больше.

— Юнис, я удваиваю тебе жалованье!

— Спасибо, босс, — быстро ответила она. — Я записала ваши слова и точное время. Сообщу в бухгалтерию.

Смит фыркнул:

— Видишь, почему я ее держу? Даже не пытайся торговаться, старый козел, денег не хватит.

— Марзаматик, — проворчал Саломон. — Кстати, о деньгах. Кем ты намерен заменить Паркинсона?

— Было бы что заменять. Джейк, у тебя есть кто-нибудь на примете?

— Нет, но после недавней сценки мне кажется, что Юнис подошла бы.

Юнис на мгновение опешила, но тут же убрала с лица всякое выражение. Смит задумался.

— Мне такая мысль в голову не приходила, но вариант интересный. Юнис, хочешь стать директором корпорации?

Юнис отключила диктофон:

— Хватит надо мной подшучивать!

— Детка, — ласково сказал Смит, — я не привык шутить о деньгах. А для Джейка деньги вообще единственное святое — он ведь продал в Рио дочь и бабуку.

— Дочь я не продавал! — запротестовал Саломон. — Только бабулю... почти ничего за старушенцию не выручил, но спальню в доме освободил.

— Босс, я ведь ничего не понимаю в управлении бизнесом!

— Тебе это и не нужно. Директора не управляют, они диктуют политику. И ты знаешь об этой работе больше многих наших директоров. Ты работала со мной много лет, а до того помогала прежней секретарше, миссис Бирман, пока та не ушла на пенсию. Джейк, возможно, дурачился, но я вижу в его предложении определенные плюсы. Как специальный секретарь-референт, ведущий протоколы заседаний, ты уже считаешься исполнительным служащим корпорации. Вы оба помните, как я назначил тебя на эту должность, чтобы заткнуть глотку Паркинсону: он возмущался, что мой личный секретарь присутствует на заседаниях.

Так вот, ты продолжишь делать то же самое. Останешься моим личным секретарем, потому что достойной замены тебе нет, но при этом войдешь в совет директоров. Одно другому не мешает. Будешь вести протокол и голосовать. А теперь главный вопрос — ты готова голосовать так же, как Джейк?

Юнис приняла серьезный вид:

— А вы этого хотите, сэр?

— Либо так же, как я, в тех случаях, когда я буду присутствовать. Это одно и то же. Если подумать, мы с Джейком всегда голосовали одинаково по главным вопросам, обговаривая все заранее, и спорили по всякой ерунде. Взгляни на старые протоколы, сама увидишь.

— Я давно заметила, — спокойно ответила Юнис, — но сочла, что мне не подобает это комментировать.

— Решено. Джейк, она наш новый директор. Последний нюанс, милочка. Если нам вдруг понадобится посадить на твое место кого-нибудь другого, ты согласишься уйти в отставку? Внакладе не останешься.

— Конечно, сэр. Даже без дополнительной компенсации.

— Все равно внакладе не останешься. Как славно! Юнис, ты понимаешь, что в моем нынешнем состоянии я вынужден передать управление Тилу, а политику — Джейку. Нужно, чтобы Джейка поддерживало максимальное число директоров. Можно, конечно, кого-нибудь выгнать... но лучше не стоит, а то фон Риттер взбеленится. Все, ты теперь директор. Формальности уладим на следующем собрании акционеров. Добро пожаловать в правящий аппарат. Ты больше не забитая наемная работница. Ты продалась с потрохами, и теперь ты душительница свободы, разжигательница войн и подлый фашистский пес. Как тебе?

— Не пес, — возразила Юнис. — Все остальное замечательно, но «пес» мужского рода, а я — женского. Сука.

— Юнис, я не только сам не употребляю таких слов при дамах, но и не хочу слышать их от дам.

— Босс, какая дама из «подлого фашиста»? Я это слово впервые в детском саду услышала. Оно давно никого не возмущает.

— А я впервые услышал его на заднем дворе. Где ему и место.

Саломон простонал:

— Хватит с меня вашей дилетантской лексикологии. Могу я идти?

— Что? Ни в коем случае! Секретное, ради чего я отослал медсестру, еще впереди. Придвинься-ка поближе.

— Иоганн, прежде чем секретничать, ответь на один вопрос. Твоя койка оборудована микрофоном? Да и в кресле тоже может стоять жучок.

— А? — Старик задумался. — Пока за мной не установили круглосуточное наблюдение, я пользовался кнопкой вызова сестры.

— Семь к двум за то, что вас прослушивают. Юнис, дорогуша, можете покопаться в проводах и проверить?

— Не уверена. Я стенографистка, а не электрик. Но попробую. — Она встала из-за стола и осмотрела пульт управления креслом. — Эти два датчика почти наверняка с микрофонами, они фиксируют частоту пульса и дыхательных сокращений. Но на голос они не реагируют, — видите, я говорю, а стрелки не шевелятся. Судя по всему, датчики оснащены шумопоглотителем. Однако... — Юнис задумалась, — голос можно снять и до того, как он отфильтруется. Я иногда так делаю, если уровень интершума слишком высок. Не знаю, для чего остальные датчики. Черт, я бы, пожалуй, опознала подслушивающее устройство, если бы оно здесь было, но с уверенностью сказать, что его нет, не берусь. Их может быть и два, и три. Извините.

— Не переживайте, милочка, — утешил ее юрист. — В этой стране все под колпаком примерно с середины двадцатого века. Да что там, я запросто могу нанять человека, чтобы тот сфотографировал вас в душе, и вы даже не заметите.

— Правда? Какой ужас! И сколько это стоит?

— Дорого. Все зависит от того, как сильно он рискует попасть под суд. Начиная от пары тысяч долларов и до бесконечности. Но это возможно.

— Ну и ну! — Юнис снова задумалась, затем улыбнулась. — Мистер Саломон, если вам когда-нибудь захочется такую фотографию, позвоните, договоримся. У моего мужа есть превосходный китайский фотоаппарат, и я бы предпочла, чтобы фотографировал меня он, а не кто попало.

— Прошу тишины, — спокойно произнес Смит. — Юнис, можешь продать этому старому развратнику хоть целый альбом своих фотографий, но в свободное время. Я ничего не смыслю в прослушивающих устройствах, но знаю, как решить проблему. Юнис, зайди в кабинет, откуда за мной наблюдают — если не ошибаюсь, это моя бывшая комната отдыха. Там должна быть мисс Макинтош. Побудь там минуты три. Я немного подожду и крикну: «Мисс Макинтош! Миссис Бранка с вами?!» Если услышишь мой голос, значит меня прослушивают. Если нет — возвращайся, как истекут три минуты.

— Хорошо, сэр. Что мне сказать мисс Макинтош?

— Придумай что-нибудь. Я просто хочу знать, подслушивает ли эта старая клизма.

— Хорошо, сэр.

Юнис направилась к выходу, нажала кнопку, и дверь отъехала в сторону. За дверью оказалась мисс Макинтош, которая от неожиданности едва не подпрыгнула.

Спыхватившись, медсестра хмуро обратилась к мистеру Смигу:

— Можно войти?

— Конечно.

— Спасибо, сэр. — Медсестра подошла к койке, отодвинула ширму, шелкнула четырьмя переключателями и снова задвинула ширму. Затем она встала перед пациентом и сказала: — Сэр, теперь ваша личная информация останется в тайне. По крайней мере, в том, что касается *моего* оборудования.

— Благодарю вас.

— Доктор распорядился не отключать голосовые датчики без его ведома. Но вам в любом случае не о чем было беспокоиться. Я, как и доктор, уважаю личную жизнь пациента и *никогда* не подслушиваю больных. Я вообще не слушаю, о чем они говорят!

— Не кипятитесь вы так. Раз вы не подслушиваете, то как узнали, что мы обсуждаем?

— Я слышала свое имя и насторожилась. Это инстинтивное, хотя вы все равно не поверите!

— Напротив, я вам верю. Сестра, включите все обратно, но не забудьте, что у меня личная беседа, а я в свою очередь

постараюсь не упоминать вашего имени. Как здорово, что вас можно так легко вызвать! Весьма удобно для человека в моем состоянии.

— Э... хорошо, сэр.

— Еще я хотел поблагодарить вас за то, что терпите мои причуды. И тяжелый характер.

Медсестра чуть не улыбнулась:

— Сэр, с вами не так уж и трудно. Я два года проработала в психбольнице.

Смит сперва опешил, но тут же улыбнулся:

— Не в бровь, а в глаз! Это там вы так возненавидели подкладные судна?

— Где же еще! Сэр, а теперь, с вашего позволения...

Когда она ушла, Саломон спросил:

— Ты правда веришь, что она не станет подслушивать?

— Конечно станет. Мы только разоггли в ней любопытство. Она будет очень стараться не слушать, поэтому у нее ничего не выйдет. Но она самолюбива, а самолюбие надежнее приборов. А теперь к делу, а то я устал. Я хочу купить тело. Молодое.

Юнис Бранка даже бровью не повела, а лицо Джейка Саломона приняло выражение, с которым он обычно играл в покер и общался с прокурорами. Наконец Юнис произнесла:

— Сэр, мне это записать?

— Нет. Хотя да. Пускай твоя швейная машинка сделает по копии для каждого из нас и сотрет оригинал. Мою копию положи в папку с документами, подлежащими уничтожению, свою — тоже. А ты, Джейк, спрячь копию в той папке, которой ты пользуешься, чтобы обманывать налоговую.

— Я знаю еще более безопасное место. Папка для виновных клиентов. Иоганн, наша беседа, разумеется, останется между нами, но я обязан напомнить, что профессиональная этика запрещает мне содействовать клиенту в нарушении закона, а также обсуждать с ним это. Что касается Юнис, то все, сказанное в ее присутствии, уже не может считаться конфиденциальным.

— Да брось ты, старый мошенник! Ты уже много лет как минимум дважды в неделю помогаешь мне обходить закон. А Юнис никому не проболтается, если только ей не промыть мозги.

— Я не утверждаю, что никогда не нарушал законов. Просто напоминаю, что они существуют. «Профессиональная этика» — понятие расплывчатое, но я не стану связываться с кражей трупов, похищением или работорговлей. У любой уважающей себя проститутки — вроде меня — есть рамки, за которые она никогда не выходит.

— Джейк, оставь свои проповеди. Мое желание вполне соответствует этическим и моральным нормам. Твоя помощь нужна мне, чтобы повернуть все надежно и по закону — без уловок!

— Надеюсь.

— Будь уверен. Значит, я хочу купить тело — легально. Это исключает кражу трупов, похищение и работорговлю. Сделка должна быть правомерной.

— Не выйдет.

— Почему? Взять хотя бы вот это тело, — произнес Смит, тыча себе в грудь. — Оно даже на удобрения не сгодится, однако я могу завещать его медицинскому центру для исследований. Ты сам дал на это добро.

— Ух, давай-ка сразу разберемся с понятиями. В Соединенных Штатах владение людьми запрещено Тринадцатой поправкой. Таким образом, твое тело не может считаться собственностью, и продать его ты не имеешь права. Однако труп автоматически *становится* собственностью — как правило, семьи покойного. Трусами редко распоряжаются как другим имуществом, но они, безусловно, собственность. Хочешь купить труп — пожалуйста. Но кого ты там упырем называл?

— Джейк, что есть труп?

— А? Согласно словарю Вебстера — мертвое тело, обычно человеческое. Юридическое определение немного сложнее, но по смыслу не отличается.

— Вот на это «немного сложнее» я и намекаю. Итак, когда человек мертв, его труп становится собственностью и его теоретически можно купить. Но что такое смерть, Джейк? Когда она наступает? Плевать на Вебстера, что говорит закон?

— А законы у нас устанавливает Верховный суд. К счастью, этот вопрос был юридически закреплен еще в семидесятых, в ходе процесса «Семья Генри М. Парсонса против

штата Род-Айленд». Многие годы и даже века человек признавался умершим, когда переставало биться его сердце. Затем почти век вердикт выносили на основании заключения лицензированного врача, после тщательной проверки сердечной и дыхательной деятельности. Но даже врачи порой ошибались, что приводило к печальным последствиям. А когда состоялась первая успешная пересадка сердца, такая юридическая каша заварилась! Но дело Парсонса решило все вопросы. Человек считается мертвым, когда необратимо прекратилась деятельность его мозга.

— И что это значит? — надавил Смит.

— Верховный суд не дает более четкого определения. Но фактически... Иоганн, я, в конце концов, корпоративный юрисконсульт, а не специалист в медицинской юриспруденции и судебной медицине, так что мне нужно проверить информацию, прежде чем...

— Понятно, ты не Господь Бог. Выкладывай, что знаешь, потом уточнишь.

— Когда необходимо установить точный момент смерти — это иногда нужно для решения вопроса о наследстве, расследования несчастного случая, намеренного или неумышленного убийства и всегда при трансплантации, — врач должен констатировать смерть мозга. Для этого проводятся тесты и используются термины «необратимая кома», «полное прекращение мозговой активности» и «неизлечимые кортикальные повреждения», но в конечном счете все сводится к тому, что какой-то врач выносит вердикт о смерти мозга, ставя на кон свою репутацию и лицензию. Сердце и легкие к делу больше не относятся, их приравнивали к рукам, ногам, яичкам и прочим органам, без которых человек вполне может прожить. Главное — мозг. И заключение врача. Когда решается вопрос о трансплантации, необходимо подтверждение как минимум двух врачей, не связанных непосредственно с операцией. Иногда к делу подключают и coronera — Верховный суд этого не требует; фактически танатические нормы и правила регламентированы лишь в нескольких из пятидесяти четырех штатов, но...

— Пойдите, мистер Саломон. Что это за непонятное слово? Моя машинка поставила рядом с ним знак вопроса. — Юнис нажала кнопку «пауза».

— А как она его записала?

— Т-А-Н-А-Т-И-Ч-Е-С-К-И-Е.

— Умная машинка. Это специальное прилагательное, обозначающее все, что имеет отношение к смерти. Произшло от имени древнегреческого бога смерти Танатоса.

— Секундочку. Внесу его в базу. — Юнис свободной рукой нажала кнопку «память», что-то прошептала и произнесла вслух: — Машинка лучше работает, если ее похвалить. Можно продолжать. — Она отжала «паузу».

— Юнис, вам кажется, что машина живая?

Юнис покраснела, нажала кнопку «стереть» и снова «паузу».

— Нет, мистер Саломон. Но со мной она ведет себя лучше, чем с другими операторами. Если ее обижают, она возмущается.

— Подтверждаю, — согласился Смит. — Когда у Юнис выходной, ее сменщице лучше пользоваться собственным оборудованием либо стенографировать по старинке. Ладно, дорогуша, хватит болтовни. Способы ухода за приборами обсудите в другой раз. Прадедусшке хочется спать.

— Слушаюсь, сэр. — Юнис убрала руку с кнопки.

— Иоганн, во всем, что касается трансплантации, медицинское сообщество установило твердые правила, чтобы одновременно защитить врачей от уголовного преследования и гражданских исков и предупредить возможные законодательные ограничения. Для врача важно, чтобы он мог извлечь сердце, пока оно еще живо, но при этом обезопасить себя от обвинений в убийстве и многомиллионных исков. Поэтому они разделяют ответственность и действуют сообща.

— Понятно, — согласился Смит. — Джейк, ты не сообщил ничего нового, лишь подтвердил известные мне факты. Теперь мне спокойнее. Я вижу, что мой план осуществим. Итак, мне нужно здоровое тело возрастом от двадцати до сорока лет, еще теплое, с рабочим сердцем и без серьезных повреждений... лишь мозг должен быть официально мертв, мертв, *мертв*. Я хочу купить этот труп и пересадить в него мозг — свой мозг.

Юнис не шелохнулась. Джейк удивленно моргнул:

— И когда тебе нужно тело? Сегодня вечером?

— Не позднее следующей среды. Гарсия говорит, что столько я еще протяну.

— Лучше сегодня. И новый мозг тебе тоже не помешает — этот, похоже, сломался.

— Джейк, кончай свои шуточки! Я серьезно. Мое тело отказывает, но мой разум яснее ясного, да и память не подводит. Спроси меня, на каких цифрах закрылись вчерашние торги, и я отвечу. Я по-прежнему способен делать логарифмические вычисления без таблиц — проверяю себя каждый день. Но я *знаю*, что мне недолго осталось. Взгляни на меня — мое состояние исчисляется несметным числом мегаллларов, но мое тело заштопано нитками и заклеено изолентой. Ему место в музее.

Я столько раз слышал: «Деньги в могилу не унесешь». Так вот, когда восемь месяцев назад меня присобачили к этим уродским трубкам и проводам, я начал размышлять над старой поговоркой и решил: раз деньги мне с собой не забрать, то в могилу я ни ногой!

— Пфф! Вот погрузят тебя на катафалк, а там и ногой, и всем остальным.

— Посмотрим. Я готов потратить хоть все свое несусветное состояние, чтобы обмануть смерть. Поможешь?

— Иоганн, если бы речь шла о банальной пересадке сердца, я бы с радостью благословил тебя на эту процедуру. Но пересадка *мозга*? Ты хоть понимаешь, насколько это сложно?

— Нет, как и ты. Но мне известно больше, чем тебе. У меня была уйма времени прочитать имеющиеся материалы. Не говори, что еще никто не проводил успешную пересадку мозга человеку, я и так это знаю. Не напоминай, что китайцы пытались несколько раз и у них ничего не вышло. Однако, если память не изменяет, трое пациентов все же выжили, пусть и остались овощами.

— Хочешь стать четвертым?

— Нет. Но я слышал о двух шимпанзе, которые до сих пор лазают по деревьям и едят бананы, несмотря на то что обменялись мозгами.

— О, тот австралиец?

— Доктор Линдси Бойл. Я хочу, чтобы пересадку проводил он.

СОДЕРЖАНИЕ

С. В. Голд. Эпоха Джаза 5

НЕ УБОЮСЬ ЗЛА

Перевод с английского Юрия Павлова

под редакцией Екатерины Доброхотовой-Майковой 7

С. В. Голд. Кошка Брайди Мерфи, зайки в бикини
и изрядно затянутая шутка 489

Примечания

Е. Доброхотова-Майкова, Ю. Павлов, С. В. Голд 502

Хайнлайн Р.

X 15 Не убоюсь зла : роман / Роберт Хайнлайн ; пер. с англ. Ю. Павлова ; под ред. Е. Доброхотовой-Майковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 512 с. — (Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-16257-0

В новом переводе — классический роман мастера американской фантастики. «Если я пойду и долиной смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной...» — гласит псалом 22, обычно читаемый на похоронах. Но престарелому миллиардеру Иоганну Себастьяну Баху Смиту до похорон еще далеко: врачи поддерживают в его дряхлеющем теле жизнь, а передоверить управление группой своих компаний решительно некому. И вот Смит решается дать бой самой смерти на последнем рубеже — решается на трансплантацию головного мозга. Кто бы мог подумать что первым же подходящим донором окажется его собственная секретарша, к которой он испытывал самые нежные чувства, и что адепты метемпсихоза были не так уж не правы... Настолько радикального переосмысления гендерных ролей не позволял себе раньше даже такой вольнодумец и возмутитель спокойствия, как Хайнлайн. «Всех, кого я не сумел оскорбить „Десантом“ или „Чужаком“, я, возможно, сумею достать этой вещью, — пророчески писал он. — Если повезет, ее осудят и левые радикалы, и правые...»

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН
НЕ УБОЮСЬ ЗЛА

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Екатерина Доброхотова-Майкова
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Елена Терскова, Ирина Киселева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 11.10.2019. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 26,88.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

Y-AFA-24687-01-R